

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ТЕОРИИ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 304.2

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ТАТАР

Г.Ф. Габдрахманова

*Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
medi54375@mail.ru*

Массовые этносоциологические исследования, проводимые в течение последних двух с половиной десятков лет, выявили значимость этнической идентичности для татар, ее рост в постсоветский период. Данное явление – его теоретическое и эмпирическое осмысление, не всегда может быть осмыслено в традиционалистской перспективе. Культурные границы и маркеры этнической идентичности татар могут быть поняты только с учетом ранних этапов их формирования и трансформации в более поздние периоды. Диахронный и синхронный анализ становится одним из перспективных приемов в изучении данной динамики. Родовые и земляческие объединения, ислам, татарский язык, некоторые элементы традиционной культуры были важны для татар всегда. Они остаются значимыми и в современных условиях. Другие идентификационные маркеры навсегда утрачены, но их замещает примордиальное проявление этничности. Происхождение важно как для старшего поколения, так и для молодых татар. При изучении этнической идентичности татар важно обращать внимание на значимые для них локальные идентификации, связанные с принадлежностью к отдельным территориям (региону, деревне). Это зонтичное мышление, впитывающее разноуровневые идентичности, связано с устремленностью татар к выстраиванию различных горизонтальных связей, не управляемых вертикальными структурами.

Ключевые слова: этническая идентичность, татары, структура, компоненты, происхождение, история

Этническая идентичность татар – это фокус целого ряда исследований, проводившихся еще в СССР, а позднее в РФ и за ее пределами в течение всего постсоветского периода. Большинство из них опиралось на методологию и методику этносоциологической науки. И хотя в первом в отечественной науке эмпирическом этносоциологическом исследовании «Оптимизация социально-культурного развития наций», проведенном в 1967–1968 гг. в Татарской АССР под руководством Ю.В. Арутюняна, напрямую не ставилась задача изучения этнической идентичности, тем не менее, именно там впервые были поставлены вопросы о роли культуры,

семейного быта, языка в социальном положении татар, выявление проявлений их этноспецифических установок в конкретных социальных условиях в сравнении с русской частью ТАССР [13].

Позднее, в 1970-х гг., вслед за Ю.В. Бромлеем, который ввел в оборот отечественной науки узкое и широкое понимание этнического самосознания (в узком понимании под ним понималось осознание принадлежности к этнической общности, в широком – еще и представления людей о культуре, языке, историческом прошлом своего народа, в том числе о государственности, территории) [3], в него были добавлены также интересы, осознаваемые людьми как этнические [1, с.166]. Именно этот полипарадигмальный подход стал активно использоваться в постсоветский период Л.М. Дробижевой. Проводимые под ее руководством крупномасштабные проекты позволили определить структуру этнического самосознания, динамику идентификационных процессов у ряда народов РФ. В их числе – татары. Результаты этих исследований являются одними из немногих верифицированных (надежных) источников для понимания этнической идентичности татар, полученных путем массового обследования «обычных» ее носителей.

Рубеж 1980–1990-х гг. и последующие четверть века – это период активного теоретического и прикладного осмысления феномена этнической идентичности в отечественной этносоциологии и этнологии. «Открытие» зарубежной науки, предоставившее отечественным ученым новые методологические возможности его изучения, привело к утверждению в России конструктивистского и инструментального подходов. Разбор идей представителей этих различных концепций представлен в целом ряде работ, например: [11]. Мы не будем на этом останавливаться специально. Сосредоточим внимание на важных, с нашей точки зрения, имеющихся на сегодняшний день некоторых выводах, полученных в ходе теоретических и эмпирических изысканий зарубежных и отечественных ученых, необходимых для дальнейшего понимания специфики этнической идентичности у татар.

1. Массовые этносоциологические исследования, проводимые в течение последних двух с половиной десятков лет, выявили значимость этнической идентичности для татар, ее рост в постсоветский период. В 1994 г. 51% опрошенных татар-горожан утверждали, что «никогда не забывают о своей национальности». В 2011/2012 гг. эту позицию уже выбрали 77,5% городских татар и 86,4% сельских¹. Такие же данные были получены и в 2014 г. (75% и 84% соответственно)². В связи с важностью для татар этнической

¹ Данные за 1994 г. и 2011/2012 гг. получены исследовательской группой Л.М. Дробижевой. Они опубликованы в специальных монографиях [7], [9].

² Данные за 2014 г. получены исследовательской группой отдела этнологии Института истории им. Ш.Марджани АН РТ в рамках проекта «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан» (рук. Г.Ф. Габдрахманова) Государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014–2020 гг.».

идентичности ключевым становится вопрос о механизмах ее воспроизведения у исследуемой группы. Ф.Барт исходит из тезиса о том, что «этнические группы суть признаки, приписываемые и идентифицируемые самими авторами, и, следовательно, обладают свойством организовывать взаимодействие между людьми» [2, с.11]. То есть, этничность понимается им как форма социальной организации, существующая путем воспроизводства границ между группами, а не изначальная данность. Особую роль в процессе маркировки и воспроизведения групповых границ играют, по Ф.Барту, культурные характеристики. Они изменчивы, ситуативны, вариативны и зависят от «исторических, экономических и политических обстоятельств» [14, с.105]. В этой связи важно рассматривать диалектику культурных границ и их маркеров. В отношении татар это принципиально важный посыл.

Татары разбросаны по всему миру. Их большая часть живет на территориях, освоенных предками в период Тюркского каганата, Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды и ее наследников виде шести татарских ханств. Это огромное евразийское пространство, в котором формировался современный облик татар. Они вступали в межэтнические контакты, распространяли собственные достижения, заимствовали их у разных соседствующих народов, приспосабливались к разнообразным климатическим, политическим, экономическим и социальным условиям. В процессе развития происходила селекция культурных маркеров. И это был естественный процесс, который продолжается до сих пор. Ф.Барт, рассуждая об изменчивости этничности, пишет: «Элементы нынешней культуры этнической группы не возникают из определенного набора, конструировавшего культуру этой группы в предшествующий период», потому что «...в разных обстоятельствах определенные наборы отличительных признаков и ценностных ориентаций носят характер самореализации, другие отвергаются опытом, а третьи оказываются не способны найти выход во взаимодействии» [2, с.37, 48]. То есть культурный материал не является первичным и неизменным, а выступает результатом и способом этнической групповой организации и динамики отношений между группами. Отсюда вопрос о том, как изучать категории, самоприписываемые татарами в качестве этномаркирующих, с учетом их изменчивости.

2. Образ «Мы» очень изменчив и может включать самый разный набор представлений. Говоря об этой диалектике у татар, важно подходить к ним, опираясь на методы синхронного и диахронного анализа. Первый предполагает изучение структуры этнической идентичности в конкретный, отдельный отрезок времени, последний – анализ изменений во времени.

Этническая идентичность татар претерпевала существенные трансформации. Ее культурный стержень после взятия Казани в 1552 г. сохранился, прежде всего, благодаря исламу. Он стал формой выживания культуры, знаменем борьбы против христианизации и ассимиляции. На рубеже XIX–XX вв. большую роль стали играть экономическая и политическая составляющие, идеологема реформаторства ислама (джадидизм), идеи

«культурного развития и обновления» (трансформированное национальное образование, сеть периодической печати, новые формы театральной жизни и музыкального просветительства). Именно тогда сформировался активный буржуазный слой, распространивший свою деятельность в масштабах всей Евразии, появилась собственная («мусульманская») фракция в Государственной Думе. Капиталистические отношения у татар развивались не по пути марксистских представлений о роли городского пролетариата в их развитии, а в условиях деревни, в которой образовались отряды разнообразных профессиональных групп с разной отраслевой специализацией (производство кумача, продуктов сельского хозяйства и животноводства, обработка кож и животного сырья и т.д.). Советский этап – период новых изменений «татарскости». Идеология построения однотипного «советского человека», атеизма и социально-экономического, культурного выравнивания наций и народностей привела к тому, что у татар значительно повысилась урбанизированность, серьезный импульс получила профессиональная татарская культура (театральная, музыкальная, литературная), русский язык стал средством не только межэтнической, но и внутриэтнической коммуникации, ислам «ушел» в семейно-обрядовую сферу. Рубеж 1980–1990-х гг. характеризуется возрождением этнического и религиозного самосознания, активным участием татар в построении федеративных отношений в РФ, в решении вопросов социально-экономического развития страны, в урегулировании межэтнических и межконфессиональных отношений, в укреплении российских традиций ислама.

Фиксируя изменения в представлениях татар о себе, важно обращать внимание не столько на формальную сторону критериев идентификаций, сколько на их суть – восприятие и реальное использование. Например, говоря о татарском языке, следует отметить, что в XIX–XX вв. он был серьезным ресурсом для татар. Благодаря этому языку они осваивали рынки Казахстана, Средней Азии, Кавказа, Дальнего Востока, распространяли передовые достижения культуры, исламской мысли. Для большинства современных татар он играет скорее символическую, эмоционально-ценностную роль. Функции татарского языка изменились в советский период, к которому татары подошли с практически полным незнанием русского языка. Позднее он был успешно освоен, но некоторая часть татар одновременно потеряла и татарский. Сегодня в отдельных российских регионах, как показывают материалы Всероссийских переписей населения, лишь половина и даже только треть владеет им. Использование татарского языка ограничивается сферой семьи, средой национальной интеллигенции и татарской деревней. Работа, город – это пространства русского языка. Современная молодежь все чаще идентифицирует себя с татарским и русским языком одновременно. Тем не менее, результаты массовых опросов и фокус-групп показывают, что татарский язык является самым значимым маркером для татар. *«Мин татар, чөнки мин татарча сөйләшәм, Татарстанда яшим, минем эти-энием, туганнарым бөтенесе дә татарлар. –*

*Я татарин потому, что говорю на татарском языке, живу в Татарстане, родители и все родственники – татары»*¹. Но это, скорее, символ.

3. Пример с татарским языком свидетельствует об актуализации примордиальных проявлений этничности у современных татар. Быть татаринном для молодого поколения значит *«разговаривать на татарском языке, знать свою историю, культуру»*. Общность происхождения и кровное родство, сформировавшие этноспецифические особенности татар – это доминирующий показатель современной «татарскости». Татарская молодежь считает, что человек рождается с принадлежностью к какой-то этнической группе и эту принадлежность изменить невозможно [4, с.36]. *«Туган тел шикелле ук тумыштан килә, теге ул сиңа каяндыр сайлап алу түгел. Ата-ана шикелле бит инде милләтең шундый булгач, син аны үзгәрттерә алмыйсың да телесең икән. Аны ничек үзгәрттергә була? Бу бит инде сине үзеңне үзгәрткән шикелле була. – Как и родной язык (и национальность – прим. Г.Г.) дана с рождения. Как и родителей, национальность свою при желаниши не изменишь. Как ее изменить? Это как подмена себя»*. *«Я татарка, потому что я родилась татаркой, у меня родители /.../ и мама, и папа – татары. Татарстан, татарский язык с молоком матери впитался, и ты уже знаешь, что ты татарин, ты в татарской стране живешь. Это уже с рождения у тебя заложено»*. *«Ты родился татаринном, татаринном и умрешь»*. Восприятие и значимость примордиальной (по крови) сущности этнической принадлежности – это компенсация утраты некоторых ее культурных (в этнографическом понимании) компонентов.

4. В современных условиях традиционная культура практически ушла в забвение. Мы живем в домах и квартирах со стандартными евроремонтами, покупаем и носим одежду европейского стиля, покупаем продукты, входящими в единую потребительскую корзину. У татар вытесненная этнография время от времени напоминает о себе. Чак-чак, тубетейка, узоры, вышивка все чаще презентуются татарами как символы. Э.Смит, рассуждая об устойчивости мифов, символов и коллективной памяти, подчеркивает, что именно они формируют этнические общности и определяют общий стиль группы и делают ее узнаваемой [18, с.86]. Некоторые из этих символов, по Э.Геллнеру, могут существовать до современного общества [17, с.368]. Некоторые символы начинают использоваться конструкторами нациестроительства. Но зачастую произвольные элитарные интеллектуальные проекты могут не находить эмоциональный отклик в массах. Это происходит в том случае, если отсутствует опора на глубоко укор-

¹ Здесь и далее приводятся цитаты из интервью с татарской молодежью Республики Татарстан, состоявшихся в 2015 г. в рамках проекта «Проведение серии этносоциологических исследований, направленных на изучение идентичности татарского народа» (рук. Г.Ф. Габдрахманова) Государственной Программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)». Подробный анализ: [4].

ренный мифо-символический комплекс, содержащий символы, мифы и ценности глубокого этнического.

5. Татары обладают обостренной чувствительностью к собственной истории и культуре. Это связано с их сложным, иногда драматичным историческим путем. Некоторые события навсегда уходят в забвение, другие сохраняются, трансформируются, приобретают новые смыслы. К числу таких важных для татар «образов-символов», например, можно отнести священные могилы, кладбища, родники возле них, связанные с погребением «святых» людей (тех, кто посвятил себя исламу). Вокруг данных объектов сформировался комплекс народных знаний о них, существуют мнения богословов, наблюдается их высокая посещаемость и целая система обращений к ним людей за помощью в трудных жизненных ситуациях, получающих моральное удовлетворение от содеянного. Каждый такой коллективный образ-воспоминание имеет когнитивный, поведенческо-нормативный и эмоциональный аспект. Ментальные комплексы, знания и представления, независимо от того, насколько они здравы и объективны, предопределяют как восприятие действительности, так и действия людей. Они передаются по сетям (реальным и виртуальным) и вовлекают в их воспроизводство. Исторические и культурные артефакты памяти, практики презентации исторических событий, персонажей (кто вспоминает, что вспоминают и как вспоминают) – все это можно понять у татар, если принимать во внимание их устремленность к фрагментации пространств – географических, социальных, политических, экономических.

6. Если говорить о социальном пространстве, то следует отметить, что фрагментация у татар здесь выстраивается по горизонтали. Ее примером может быть «сотовый» мозаичный суверенитет рубежа XIX–XX вв., в котором не было единого типа общины – *polis* 'ов, а «различия зависели от традиций ведения хозяйства, организации общинной жизни, наличия авторитетных лидеров» [16, с.22]. Татары и сегодня образуют различные типы *polis* 'ов. Они сохраняют память о своих предках, которая хотя и утратилась в сознании, но продолжает заявлять о себе на подсознательном уровне. Во время экспедиции на Алтае – родине тюркского мира, мы видели насколько сильна память о своем родовом происхождении у алтайцев. Они не только сохранили сведения об этом, но и до сих пор поддерживают воспроизводство родовых отношений, поскольку алтайскому народу в силу их небольшой численности для самосохранения важно препятствовать кровному смешению внутри родов. Предки татар, живших на Алтае, имели родовую структуру, но выдвинувшись на другие территории, утратили знания о ней. Им, смешивающимся с представителями других народов, не было нужды знать родовую принадлежность партнера. Генетическое обновление шло естественным путем. Но память о принадлежности к роду сохранилась и заявляет о себе до сих пор. Татары, живя в разных регионах мира, образуют землячества, роются в архивах и создают шежере – историю своего рода. Этим же можно объяснить и высо-

кую значимость Республики Татарстан – региона, воспринимаемого в качестве центра всех татар. Но для них очень значимы и места, на которых они родились, живут, растят потомство.

7. Регионы важны как для старшего поколения, так и для молодежи из числа татар. Молодые крымские татары в ходе групповых дискуссий, которые мы проводили в 2015 г., артикулировали, что *«Крым – их историческая родина, с которой связаны судьбы предков, к которой были устремлены чаяния представителей старшего поколения в период переселения, и с которой они неразрывно связывают себя как народ, его будущее»*¹. Татары Западной Сибири, обозначаемые в этнографической науке как сибирские, воспроизводят нарративы об индигенности. Маркирование территории – явление, закрепляющее этническую границу у татар, и она может охватывать тысячи, сотни квадратных километров, а иногда замыкаться одной деревней. Хотя последнее «нельзя воспринимать только как ограниченность в пространстве и связях, он (микрокосм деревни – прим. Г.Г.) моделирует многие процессы, которые встречаются в мире, по крайней мере, дает возможность отработать некоторые навыки, позволяющие их использовать, перенеся на более широкий класс отношений» [15, с.130]. Территориальное распределение сознания татар – важный элемент их идентичности, не мешающий выстраивать внутриэтническое взаимодействие. Э.Гидденс объясняет логику зонтичного мышления тем, что «обычно локальности «районированы» изнутри, и внутренние зоны играют важную роль в процессе формирования контекстов взаимодействия, ... свойства окружения постоянно используются субъектами деятельности при организации социальных взаимодействий во времени и пространстве» [5, с.186]. У татар такое распределение не разваливается благодаря горизонтальным связям.

8. Устремленность к выстраиванию горизонтальных отношений, не имеющих централизованного управления, у татар была всегда. Для кочевников – предков татар, не составляло труда передвигаться на огромных просторах Евразии, а татарские купцы в силу их высокой мобильности были передовыми проводниками экономики Российской империи в Средней Азии и Казахстане. Сегодня для татар самым доступным средством коммуникации стал Интернет. З.А. Махмутов, опираясь на собственную статистику и данные Д.Р. Гимадеевой [6, с.181], выявил, что количество участников «татарских групп» в социальной сети ВКонтакте за последние девять лет выросло более чем в 50 раз: если в 2007 г. самая многочисленная из них насчитывала около 2000 человек, в 2012 – 33000, то в 2016 –

¹ Это цитата из интервью с крымскотатарской молодежью Республики Крым, проведенного в 2015 г. в рамках проекта «Проведение серии этносоциологических исследований, направленных на изучение идентичности татарского народа» (рук. Г.Ф. Габдрахманова) Государственной Программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2016 гг.)». Подробный анализ: [10].

более 113000 человек. В силу разбросанности и глобального распространения сетевых взаимодействий этот ресурс этнической консолидации у татар только будет усиливаться. Внутриэтническая коммуникация – важная часть этнической идентичности современных татар, виртуализируется и захватывает все большее число ее участников.

9. Этническая идентичность, потребность в ней, коллективные образы-воспоминания у татар носят общечеловеческий характер. Многие в повседневной жизни не вспоминают о своей «татарскости». Обращение к ней, как правило, происходит, в сложные моменты жизни. Исполнение обрядов жизненного цикла (рождение ребенка, похороны), просьбы к «посредникам» в трудных жизненных ситуациях (болезнь, внезапные смерти близких людей, отсутствие детей и т.п.), получение благосклонности от Всевышнего – все это, чему поклоняются и татары и другие народы. И с возрастом эту потребность люди начинают ощущать все больше. Л.Низамова, анализируя этнические процессы среди татар США, зафиксировала, что представители старшего поколения данного сообщества, в отличие от молодого, начинают искать свои «этнические корни», которые «нередко оказываются более крепкими, чем принято считать, и становятся той опорой, которая дает чувство дома, родного и теплого, в глобализирующемся, стандартизирующемся и обезличивающемся мире» [12, с.238]. Изучая этническую идентичность татар, необходимо обращать внимание и на ее ядро, связанное с общечеловеческими ценностями – важными для всех, независимо от этнической принадлежности.

10. Выраженный поведенческий компонент этнической идентичности татар, существующий наряду с когнитивными компонентами – представлениями, составляющими «образ Я», и эмоциональным элементом, в условиях актуальности последнего, фокусируют исследовательское внимание на регулятивной способности этничности. Этот психологический феномен играет существеннейшую роль в этнической мобилизации, консолидации и социальном контроле. За 25 лет постсоветского развития татары прошли путь от недифференцированного, размытого восприятия собственной этничности к ее актуализации, поиску культурных и идеологических основ для формирования и конструирования обновленного этнического самосознания. Этносоциологи отмечают и рост среди них активных деятельностных установок, связанных не только с укреплением татарской культуры, но и с развитием бизнеса (включая исламский банкинг, халяль-индустрию), с социальной благотворительностью и меценатством. Этот поведенческий компонент этнической идентичности современных татар требует новых исследований.

В заключение отметим, что представление татар «о себе» имеет не только этнокультурное, но и политическое значение. Идущие в последнее десятилетие в научных и общественных кругах дискуссии о необходимости формирования интегрирующей российской идентичности сталкиваются с проблемой содержательного наполнения этого понятия и с оценкой роли

этнической идентичности и этнического самосознания в формировании российской нации. По мнению Л.М. Дробижевой, формирование идентичности, «которая включает в себя не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, солидарность и ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми,» [8, с.39] является условием объединения граждан современной России. Татары, как показывают материалы этносоциологических опросов, ощущают себя россиянами. Республика Татарстан реализует проекты мирового масштаба, которые влияют на имидж всей страны, ее поступательное развитие. Сочетание и наполнение общероссийских, региональных и этнических идентификаций у татар будет зависеть как от них самих, так и от тех, кто задает импульс этнополитических процессов в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. Учебное пособие. М., 1998. 272 с.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей: под ред. Ф.Барта; пер. с англ. И.Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. С.9–48.
3. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М., 1972. 283 с.
4. Габдрахманова Г., Мухаметзянова А. Этническая идентичность татарской молодежи // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г.Габдрахманова, Г.Макарова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.29–53.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
6. Гимадеева Д.Р. Татарские сетевые сообщества // Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане. Казань, 2013. С.166–188.
7. Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. редактор Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. 485 с.
8. Дробижева Л.М. Государственно-гражданская идентичность в общероссийском масштабе // Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра / рук. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С.39–50.
9. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996. 382 с.
10. Макарова Г., Габдрахманова Г. Идентичность крымских татар // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г.Габдрахманова, Г.Макарова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.99–117.
11. Макарова Г.И. Идентичность татар и русских в контексте этнокультурных политик Российской Федерации и Республики Татарстан. Казань: Казан ун-т, 2010. 248 с.

12. Низамова Л. Татары США в условиях американского мультикультурализма // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г.Габдрахманова, Г.Макарова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.207–238.
13. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука. 1973.
14. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
15. Хакимов Р. Историческая этнология: парадигма и инструментарий. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. 440 с.
16. Хакимов Р. Теоретические основы идентичности татар // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г.Габдрахманова, Г.Макарова. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. С.6–28.
17. Gellner E. Do Nations Have Navels // Nations and Nationalism. Vol.2., 1996. №3. pp.357–370
18. Smith A. The Ethnic Origin of Nations. Oxford, 1986. 312 p.

Сведения об авторе: Габдрахманова Гульнара Фаатовна – доктор социологических наук, заведующая отделом этнологических исследований Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420014, Кремль, подъезд 5, Казань, Российская Федерация); medi54375@mail.ru

ON THE PECULIARITIES OF TATAR ETHNIC IDENTITY

G.F. Gabdrakhmanova

*Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
medi54375@mail.ru*

Mass ethnosociological studies conducted over the past two and a half decades have revealed the importance of ethnic identity for Tatars, and its increasing importance in the post-Soviet period. Understanding this phenomenon theoretically and empirically cannot be performed using traditional methods. Cultural boundaries and markers of ethnic identity among Tatars can be understood only in terms of the early stages of their formation and transformation in later periods. Diachronic and synchronic analyses are the most promising methods for studying these dynamics. Generic and patriotic associations, Islam, Tatar language, and some elements of traditional culture have always been important to Tatars. They remain important in the contemporary world. Other identity markers are lost forever, replaced as primordial manifestations of ethnicity. Origins are important for the older generation and young Tatars. In studying Tatar ethnic identity it is important to pay attention to the significance of local identifications associated with belonging to certain territories (region, country). Such an overarching approach can absorb multilevel identifications associated with Tatar aspirations to build various horizontal links that are not managed by vertical structures.

Keywords: components, ethnic identity, history, origins, structure, Tatars

REFERENCES

1. Arutyunyan Yu.V., Drobizheva L.M., Susokolov A.A. *Etnosotsiologiya. Uchebnoe posobie* [Ethnosociology. A Textbook]. Moscow, 1998. 272 p.
2. Barth F. [Introduction] *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy: sbornik statey: pod red. F .Barta; per. s ang. I.Pil'shchikova* [Ethnic groups and Social Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference: A Collection of Articles: ed. F. Barta; with Eng. I.Pilschikova]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2006. pp.9–48.
3. Bromley Yu.V. *Etnos i etnografiya* [Ethnos and Ethnography]. Moscow, 1972. 283 p.
4. Gabdrakhmanova G., Mukhametzyanova A. Etnicheskaja identichnost' tatarskoj molodezhi [Ethnic identity of Tatar Youth] *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh, otv. red. G.Gabdrakhmanova, G.Makarova* [The Ethnic Identity of Tatars in Regional Contexts. Ed. G.Gabdrakhmanova, G.Makarova] Kazan, Institut istorii im. Sh.Mardzhani AN RT Publ., 2015. pp.29–53.
5. Giddens E. *Ustroenie obshchestva: Oчерk teorii strukturatsii* [The Dispensation of Society: Outline of Structuration Theory]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2003. 528 p.
6. Gimadeeva D.R. Tatarskie setevye soobshchestva [Tatar Online Communities]. *Etnichnost', religioznost' i migratsii v sovremennom Tatarstane* [Ethnicity, Religion and Migration in Contemporary Tatarstan]. Kazan, 2013. pp.166–188
7. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i otv. redaktor L.M. Drobizheva* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, and Tomorrow /Editor L.M. Drobizheva]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013. 485 p.
8. Drobizheva L.M. Gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' v obshcherossiyskom masshtabe [State-Civil identity on a National Scale]. *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra / ruk. proekta i otv. red. L.M. Drobizheva* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Yesterday, Today, and Tomorrow / Editor LM Drobizheva]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya Publ., 2013. pp.39–50.
9. Drobizheva L.M., Aklaev A.R., Koroteeva V.V., Soldatova G.U. *Demokratizatsiya i obrazy natsionalizma v Rossiyskoy Federatsii 90-kh godov* [Democratization and Images of Nationalism in the Russian Federation in the 1990s.]. Moscow, Mysl' Publ., 1996. 382 p.
10. Makarova G., Gabdrakhmanova G. Identichnost' krymskikh tatar [The Identity of Crimean Tatars]. *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh* [Ethnic Identity Tatars in Regional Contexts]. Kazan, Institut istorii im.Sh.Mardzhani AN RT Publ., 2015. pp.99–117.
11. Makarova G.I. *Identichnost' tatar i russkikh v kontekste etnokul'turnykh politik Rossiyskoy Federatsii i Respubliki Tatarstan* [The Identity of Tatars and Russians in the Context of the Russian Federation's and the Republic of Tatarstan's Ethnocultural Politics]. Kazan: Kazan University Publ., 2010. 248 p.
12. Nizamova L. Tatory SShA v usloviyakh amerikanskogo mul'tikul'turalizma [Tatars in the United States Under Conditions of American Multiculturalism]. *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh* [Ethnic Identity Tatars in

Regional Contexts]. Kazan, Institut istorii im.Sh.Mardzhani AN RT Publ., 2015. pp.207–238.

13. *Sotsial'noe i natsional'noe. Opyt etnosotsiologicheskikh issledovaniy po materialam Tatarskoy ASSR* [Social and national. The Experience of Ethnosociological Research on Materials of the Tatar ASSR]. Moscow, Nauka Publ. 1973.

14. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos. Research on Sociocultural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 544 p.

15. Khakimov R. *Istoricheskaya etnologiya: paradigma i instrumentariy* [Historical Ethnology: Paradigm and Tools]. Kazan, Institut istorii im.Sh.Mardzhani AN RT Publ., 2012. 440 p.

16. Khakimov R. *Teoreticheskie osnovy identichnosti tatar* [Theoretical Foundations of Tatar Identity]. *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh* [Ethnic identity Tatars in regional contexts]. Kazan, Institut istorii im.Sh.Mardzhani AN RT Publ., 2015. pp.6–28.

17. Gellner E. Do Nations Have Navels. *Nations and Nationalism*. Vol.2., 1996. №3. pp.357–370.

18. Smith A. *The Ethnic Origin of Nations*. Oxford, 1986. 312 p.

About the author: Gulnara F. Gabdrakhmanova – Doctor of Science (Sociology), Head of the Department of Ethnological Research, Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Entrance 5, Kremlin, Kazan 420014, Russian Federation); medi54375@mail.ru